

Кризис постсоветской отечественной этнографии в 1990-е годы (*историография вопроса*)

В.А. Кудашкин^а, Е.М. Кунжаров^б

Братский государственный университет, ул. Макаренко, 40, Братск, Россия

^а kudashkinslava@rambler.ru, ^б kunzharov@rambler.ru

Статья поступила 10.12.2020, принята 17.12.2020

В статье анализируются работы отечественных ученых по проблеме кризисных явлений в науке, изучающей коренные малочисленные народы Российской Федерации в 1990-е гг. Авторами делаются выводы о том, что в изучаемый период большинством российских исследователей были выявлены кризисные явления в изучении этнографии, что стало поводом для их выступления за смену названия науки, а также за внедрение новых научных подходов с учетом зарубежного опыта.

Ключевые слова: этнография; этнология; коренные малочисленные народы; историография; кризисные явления в науке; постсоветская наука.

The crisis of post-Soviet domestic ethnography in the 1990s (*historiography of the issue*)

V.A. Kudashkin^a, E.M. Kunzharov^b

Bratsk State University; 40, Makarenko St., Bratsk, Russia

a kudashkinslava@rambler.ru, b kunzharov@rambler.ru

Received 10.12.2020, accepted 17.12.2020

The article analyzes the work of domestic scientists on the problem of crisis phenomena in science studying the indigenous peoples of the Russian Federation in the 1990s. The authors conclude that during the period under study, the majority of Russian researchers identified crisis phenomena in the study of ethnography, which became the reason for their advocacy for changing the name of science, as well as for the introduction of new scientific approaches, taking into account foreign experience.

Keywords: ethnography; ethnology; small indigenous peoples; historiography; crisis phenomena in science; post-Soviet science.

Постсоветский период имеет неоднозначное влияние на историю малочисленных народов. С одной стороны, продолжается процесс возрождения национальной культуры этих народов, начавшийся еще в годы перестройки. С другой стороны, реформы 1990-х гг. негативно сказались на социально-экономическом развитии коренных малочисленных народов (КМН). Значительно снизились уровень и продолжительность жизни, выросла безработица, увеличилось потребление алкоголя.

Для понимания сложных многовекторных процессов, происходящих в жизни КМН Восточной Сибири в современной России, необходимо обратиться, прежде всего, к уже имеющемуся опыту. Ценность работ, опубликованных в постсоветский период, заключается в уходе от строго идеологизированного подхода в сторону многомерности исторического процесса.

Целью данной статьи является анализ научной литературы, раскрывающей кризисные явления начала 1990-х гг. в науке, занимающейся изучением коренных малочисленных народов.

С начала 1990-х гг. многие исследователи заговорили о кризисе отечественной этнографии. Первым это практически обозначил директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Валерий Александрович Тишков. В 1992 г. в первом номере журнала «Этнографическое обозрение» была опубликована его статья «Советская этнография: преодоление кризиса». В ней Тишков связывает кризисные явления с консервативными установками ученых и академического начальства, старением научных кадров, устаревшей проблематикой и изоляцией от мирового научного сообщества. Также автор обращает внимание на сокращение и низкий уровень полевых исследований и критикует исследователей за

то, что многие из них не проводят серьезных практических исследований, а лишь занимаются компиляцией чужих трудов.

Статья В.А. Тишкова вызвала серьезное оживление в научной среде, и вслед за ней был опубликован целый ряд статей ведущих ученых, в которых известные исследователи высказали свое мнение о состоянии отечественной этнографии к началу 1990-х гг. и перспективах ее дальнейшего развития. Мнения ученых по данным вопросам значительно различались: многие исследователи были согласны с отдельными положениями, высказанными В.А. Тишковым в своей статье, при этом отрицая другие. Были и те, кто воспринял критически все содержание работы.

Известный российский ученый, сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Игорь Семенович Кон в своей статье «Несвоевременные размышления на актуальные темы» во многом солидарен с В.А. Тишковым [1], однако не согласен с резкостью его оценок. Например, с тезисом о приоритете полевых исследований над теоретическими.

В работе «Преодоление какого кризиса?» свою точку зрения об основных проблемах российской этнографии в начале 1990-х гг. изложил известный российский ученый-этнограф Сергей Александрович Арутюнов [2].

В отличие от многих исследователей, в том числе В.А. Тишкова и И.С. Кона, Арутюнов выразил несогласие с острой критикой советского прошлого науки и отметил, что многим ученым в СССР удавалось творчески применять марксистский метод в своих исследованиях. Главной проблемой этнографии в первые годы после распада Советского Союза Арутюнов считал плохие экономические условия, из-за которых происходило закрытие ряда научно-исследовательских центров и сокращение многих исследователей; стало фактом существенное падение престижа профессии ученого в среде молодежи — во многом из-за снижения заработной платы.

Кризис этнографии начала 1990-х гг. вызвал и другие вопросы, в том числе о названии науки, занимающейся изучением народов, и обновлении теоретических и методологических основ дисциплины. Ряд ученых, в первую очередь, Тишков, считали, что в условиях серьезных трансформаций российской гуманитарной науки в начале 1990-х гг. для того, чтобы российское народоведение серьезно не отстало от мировой науки, необходимо пойти на ряд серьезных изменений, в том числе отказаться от названия «этнография». Более подходящим был назван термин «этнология», который использовался в ряде европейских стран (в частности, в странах Восточной Европы). Так, В.А. Тишков отмечал, что этнография — это то, что

этнолог или антрополог делает в поле, и этнография есть цеховая основа дисциплины, которую называют «этнология» [3].

Однако не всем исследователям понравилась идея о переименовании научной дисциплины, занимающейся изучением народов. Некоторые считали, что в переименовании дисциплины нет необходимости, и определение «этнография» вполне подходит для обозначения дисциплины. Так, доцент кафедры этнографии и антропологии СПбГУ Владимир Серафимович Бузин отмечал, что понятие «этнография» традиционно для российского научного сообщества, и нет необходимости изменять традиции отечественной науки в угоду сиюминутным интересам [4].

Споры между консервативно настроенными учеными и сторонниками перемен в российской народоведческой науке не ограничивались только вопросом о названии дисциплины. Серьезные разногласия между учеными-этнологами в постсоветский период также существовали в области теории.

В советский период в отечественной этнографии долгое время существовал всего один подход, используемый подавляющим большинством ученых — теория этноса, разработанная сотрудниками Института этнографии АН СССР. Данную теорию связывают с именем Юлиана Владимировича Бромлея, который руководил Институтом этнографии с 1966 по 1989 гг.

Наиболее четко характеризует указанную концепцию формулировка понятия «этнос», данная Ю.В. Бромлеем в работе «Очерки теории этноса». По мнению автора, «этнос — это исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающая не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех подобных образований (самоназванием), фиксируемым в самоназвании» [5].

Согласно взглядам Ю.В. Бромлея и его последователей, этнос рассматривается как социально обусловленное явление. Отдельные этносы, согласно данной концепции, возникают в результате объективного исторического процесса и имеют ряд устойчивых характеристик, отличающих один этнос от другого.

Другой концепцией, разработанной в советские годы, была пассионарная теория этногенеза Льва Николаевича Гумилева. Однако данная теория не была принята научным сообществом, и в доперестроечный период у пассионарной теории этногенеза было не так много сторонников.

Согласно определению Л.Н. Гумилева, «этнос — это естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, действующий как энергетическая система и про-

тивопоставляющий себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности [6].

По мнению Л.Н. Гумилева, определяющее влияние на развитие отдельных этносов оказывают природные условия, в первую очередь ландшафт, в котором этнос образован. Согласно концепции Гумилева главной характеристикой, отличающей один этнос от другого, является не культура, в том числе язык, а стереотип поведения, обусловленный природной средой, в которой проживает этнос, необходимой ему для приспособления к окружающей среде.

Оба подхода — и теория этноса Бромлея, и пассионарная теория этногенеза Гумилева — относятся к примордиалистским концепциям. С позиций примордиализма, этническая принадлежность индивидуума является объективной данностью, имеющей свою основу в природе или в обществе. Поэтому этничность невозможно создать искусственно или навязать ее. Этнос, согласно данной концепции, является общностью с реально существующими, регистрируемыми признаками.

Противоположной примордиализму концепцией является конструктивизм. Сторонники данного подхода отрицают этнос как объективную реальность. Согласно конструктивизму, этнос — это искусственное образование, результат целенаправленной деятельности самих людей. В отличие от примордиалистов, конструктивисты считают, что этничность является не объективной данностью, а результатом созидательной деятельности самих людей.

Кроме двух рассмотренных выше подходов, ученые выделяют третий — инструментализм. В отличие от сторонников примордиализма и конструктивизма, представители инструментализма не ориентированы на поиск определения этноса и этничности. Согласно инструменталистской концепции этничность видится как инструмент, при помощи которого люди добиваются определенных целей. Инструменталисты рассматривают любую активную деятельность отдельных народов как средство в борьбе этнических элит за власть и привилегии. Также сторонники инструменталистского подхода считают, что в спокойные времена этничность пребывает в скрытом состоянии, мобилизуясь лишь во время каких-либо потрясений.

В 1990-е гг., несмотря на все происходившие изменения, ведущими направлениями в российской этнологии остались теория этноса Бромлея и пассионарная теория Гумилева.

Многие представители этих двух направлений были маловосприимчивы к критике и считали свой подход единственно правильным, что тормозило развитие отечественной этнологии.

Однако стоит отметить, что некоторым исследователям удавалось творчески применять идеи Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилева в своих работах. В качестве примера можно привести имена географов, исследователей традиционного природопользования малочисленных народов, многие из которых использовали в своих работах идеи Льва Гумилева, при этом подвергая критике некоторые из постулатов его учения. Речь, в частности, идет о таких известных отечественных специалистах в области традиционного природопользования, как Константин Борисович Клоков и Милана Владимировна Рагулина.

В постсоветский период у пассионарной теории этногенеза значительно увеличилось количество сторонников среди российских этнологов. В 1990-е гг. работы Гумилева печатались значительными тиражами, что способствовало росту популярности его концепции этноса. Однако число критиков также оставалось значительным. Многие крупные ученые-этнологи считали пассионарную теорию этногенеза Гумилева паранаучной. Среди критиков концепции выделяются известные ученые В.А. Тишков, Ю.А. Семенов, С.В. Соколовский.

Теория этноса Бромлея также осталась достаточно популярной в 1990-е гг., ее сторонниками остались многие авторитетные ученые. Однако данная концепция, как и пассионарная теория этногенеза, в постсоветский период подверглась критике со стороны ряда ведущих российских этнологов. В первую очередь, данную концепцию критиковали ученые-этнологи, считавшие, что для развития отечественной этнологии необходимо пересмотреть старые установки и ориентироваться на мировую науку. Среди критиков теории этноса можно отметить В.А. Тишкова и С.В. Соколовского.

Критиками теории этноса в 1990-е и 2000-е гг. подвергались сомнению многие основополагающие понятия, характерные для данной концепции. Среди прочего критики отрицали само существование этноса как объективной реальности. Так, В.А. Тишков отмечает, что «этноты, как и формации, есть умственные конструкции, и они существуют лишь в умах историков, социологов и этнографов» [7].

Таким образом, в отечественной историографии 1990-х гг. был поднят вопрос о кризисе науки, изучающей коренные малочисленные народы — этнографии. Ряд ученых считали, что кризисные явления связаны с советским наследием в виде консерватизма, неактуальности проблем исследований, оторванности от западного опыта. Другие авторы либо не признавали наличие кризиса, либо объясняли его экономическими условиями. Кризис привел к необходимости актуализации названия самой науки и появлению ряда новых подходов к изучению коренных малочисленных народов.

Литература

1. Кон И.С. Несвоевременные размышления на актуальные темы // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 3-8.
2. Арутюнов С.А. Преодоление какого кризиса? // Этнографическое обозрение. 1993. № 1. С. 8-14.
3. Тишков В.А. Наука и жизнь. Разговоры с этнографами. СПб.: Алетейя, 2008. С. 155.
4. Бuzин В.С. Этнография русских. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 424 с.
5. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., Наука, 1983. С. 57-58.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. М., 1993. С. 35.
7. Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение. 1992. № 1. С. 5-19.